

*А. Л. Мусихин
(Нижний Новгород)*

**«Сказание о холопье́й войне»
в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна:
литературная история**

Е. Е. Замысловский, изучавший жизнь и творчество известного австрийского дипломата барона Сигизмунда Герберштейна, отмечал, что его знаменитый труд «Записки о Московии» (1549) «имеет важное значение в русской исторической науке ... потому, что с содержанием некоторых памятников, не дошедших до нас ни в подлинниках, ни в списках, мы знакомы только по тем выпискам, которые находятся в его сочинении»¹. Среди таких памятников ученые называют Устав князя Владимира, Судебник Ивана III, русский дорожник, Чин венчания на царство Дмитрия, внука Ивана III, Уставную грамоту Хуты́нскому монастырю и некоторые другие². К ним можно отнести еще один – так называемое «Сказание о холопье́й войне» (СХВ).

Герберштейн приводит содержание СХВ, рассказывая о Великом Новгороде, и сообщает, что нашел его в новгородских летописях³. Однако в известных летописях СХВ нет, попытки отыскать его там неубедительны⁴. Несомненно, в своем рассказе Герберштейн использовал новгородскую традицию. Об этом говорят упоминания войны в Корсунни, корсунских ворот и колокола в новгородском Софийском соборе, основания Холопье́го города⁵. Однако многие черты СХВ указывают на литературный источник. Большинство исследователей считает, что им послужил античный рассказ Геродота о скифах и их рабах⁶. Но Геродот ли это? Некоторые историки в разных редакциях СХВ видят отражение других античных произведений: легенды об основании итальянского города Тарента⁷ или повествования о скифах Помпея Трога в пересказе Марка Юниана Юстина⁸.

Чтобы установить, какое произведение послужило источником Герберштейну, необходимо провести их сравнительно-текстологический анализ.

Одно из наиболее ранних упоминаний об основании итальянского города Тарента (Тарант, совр. Таранто) находится в сочинении древнегреческого философа и ученого Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) «Политика». Рассказывая о распрях в греческих аристократиях, он замечал: «Так было в Лакедемоне с так называемыми парфениями

(они происходили от «одинаковых»), которых изобличили в заговоре и отправили основывать колонию в Тарент»⁹. Древнегреческий географ и историк Страбон (64/63 г. до н.э.–23/24 г. н.э.) довольно подробно изложил две версии рассказа об основании Тарента по произведениям древнегреческих историков Антиоха Сиракузского (ок. 420 г. до н.э.) и Эфора (ок. 405–330 гг. до н.э.)¹⁰. Рассказы других античных авторов – Диодора Сицилийского (ок. 90–21 гг. до н.э.), Помпея Трога (I в. до н.э.–I в. н.э.)¹¹, Павсания (II в.)¹², Полиэна (II в.)¹³ – или слишком кратки, или повторяют одну из версий с некоторыми дополнениями, иногда объединяя их¹⁴. Данная легенда не имеет почти ничего общего с СХВ. Л. Г. Печатнова совершенно справедливо отмечает, что ни в одном варианте рассказа парфении не являются рабами, «и, по-видимому, Аристотель не ошибся, называя их людьми, которые были из числа «равных»»¹⁵. Однако из данных рассказов видно, что рабы-илоты также принимали участие в заговоре. Это были, как считает Л. Г. Печатнова, так называемые эпевнакты¹⁶. Примечательны значения названий двух данных социальных групп Спарты: слово «парфении» буквально означает «отпрыски незамужних женщин» или «рожденные девицей до брака»¹⁷, а «эпевнакты» – «спальные друзья, наложники»¹⁸. Пожалуй, только эти намеки на незаконнорожденность парфениев и женитьба рабов, хотя и освобожденных, на свободных спартанках сближает предание об основании Тарента с СХВ. С рассказом Геродота данную легенду сближает, кроме того, тот факт, что заговорщиками были дети спартанцев, принадлежавшие к молодому поколению¹⁹. Однако Печатнова не совсем права, говоря о «явном ситуационном сходстве между скифским и спартанским вариантами истории о внебрачных детях»²⁰. В рассказе об основании Тарента нет никакой войны между спартанцами и заговорщиками, последние не сбежали на новые земли, а были выселены туда организованно самим государством²¹, причем, по мнению некоторых исследователей, государство оказывало им «активную помощь... в основании новой колонии»²². Поэтому те исследователи, которые сравнивали легенду об основании Тарента с СХВ, скорее всего, ошибались.

Римский автор Помпей Трог в написанном около 7 года н.э. труде «Historiae Philippicae», представлявшем собой переработку сочинения неизвестного греческого автора, кроме рассказа об основании Тарента поместил и рассказ о войне скифов со своими рабами. Не случайно М. Стрыйковский упоминал «истории»

Трога во множественном числе. Труд Помпея Трога не сохранился и дошел до нас только в небольшой компиляции также представителя римской литературы Марка Юниана Юстина (II или III в.)²³. Хотя в своем труде Помпей Трог широко использовал Геродота²⁴, данное сообщение лишь общим развитием сюжета и способом победы скифов над рабами совпадает с повествованием Геродота. Напротив, сообщение Герберштейна во многих деталях сходится с рассказом Трога (Юстина):

Геродот ²⁵	Юстин ²⁶	Герберштейн ²⁷
«Скифы 28 лет владывали в Верхней Азии. ...Когда затем после 28-летнего отсутствия скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами; они встретили там сильное вражеское войско <...> Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами <...>	«После третьего своего похода в Азию, когда скифы были в разлуке со своими женами и детьми в течение восьми лет, им пришлось у себя на родине вести войну с рабами <...>	«Их летописи повествуют еще, что однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня,
От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградил свою землю, выкопав широкий ров от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу <...>	Дело в том, что жены их, устав ждать своих мужей в течение столь долгого времени и решив, что не война их задерживает, а что они погибли, повыходили замуж за рабов, оставленных для охраны стад <...>	их женам наскучило отсутствие мужей [в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались], и они вышли замуж за рабов <...>
	Рабы эти, когда господа их с победой возвратились домой, вооружились и не хотели впускать их в пределы страны, словно чужестранцев <...>	Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви, рабы же вознамерились силой не пустить (в город) своих господ, на супругах которых они женились <...>

<p>Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: «Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнудом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнудом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться». Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету <...></p> <p>Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали.»</p>	<p>После того как победа неоднократно переходила от одной стороны к другой, кто-то дал скифам совет переменить способ войны, памятуя, что им ведь приходится сражаться не со [свободными] врагами, а с [собственными] рабами; их надо попытаться победить не по праву войны, а по праву господ; нужно расстаться с мечами и заготовить розги, плети и прочие орудия наказания, которые внушают страх рабам. Решение это было одобрено. Снаряженные так, как было указано, скифы, подступив к врагам, стали грозить им поркой, чего те вовсе не ожидали, и настолько смутили этим рабов, что угрозой порки добились той победы, которой не могли добиться при помощи меча <...></p> <p>Рабы обратились в бегство, не как побежденные противники, а как беглые рабы. <i>Те из них, кого удалось захватить, были распяты на крестах. Также и женщины, знавшие за собой вину, сами закололись или повесились.»</i></p>	<p>Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взялись за дубинки и плети <...></p> <p>уstraшенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место, которое и поныне еще называется Хлопигород, т.е. «крепость рабов», [стали там защищаться, но] потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару.»</p>
--	--	--

В рассказах Юстина и Герберштейна время отсутствия господ очень близко – 7 и 8 лет (по Геродоту – 28 лет); жены господ вышли замуж за рабов, так как думали, что их мужья погибли (по Геродоту – жены вступили в связь с рабами просто из-за долгого отсутствия мужей); с господами сражались сами рабы (по Геродоту – дети рабов); рабы бежали и были наказаны (по Геродоту – рабы

просто бежали). Правда, Герберштейн не уточняет, каким образом. Но это только в его латинских изданиях «Записок». Однако в 1557 году в Вене были изданы эти же «Записки» на немецком языке. Перевод был выполнен самим Герберштейном с первого латинского издания, но он, как отмечает переводчик А. В. Назаренко, отличается «заметными отклонениями при описании сюжета», и, по сути, является иной редакцией «Записок»²⁸. Эти отличия имеются и в рассказе о восстании холопов, причем они таковы, особенно в последнем абзаце, что с очевидностью указывают на заимствования Герберштейном из труда Юстина:

Юстин	Герберштейн (нем. изд.)
<p>«Рабы обратились в бегство, не как побежденные противники, а как беглые рабы. Те из них, кого удалось захватить, были распяты на крестах. Также и женщины, знавшие за собой вину, сами закололись или повесились.»</p>	<p>«Так и случилось: рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место, которое и поныне еще называется Хлопигород, т.е. «крепость или город рабов», хотя там и нет уже никаких укреплений, потерпели поражение и погибли жалкой смертью; жены же их повесились.»</p>

В обоих произведениях жены повесились, что неопровержимо указывает на труд Юстина как на источник данного сообщения у Герберштейна. Другие же виды наказаний Герберштейн не указал, очевидно, чтобы придать рассказу больше достоверности применительно к новгородским реалиям: там не распинали на крестах, а женщины вряд ли могли заколоться. По свидетельствам иностранцев, как отмечал В. О. Ключевский, в средние века в России «виды смертной казни были: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимою под лед, сажание на кол и нек. друг.»²⁹. Сам же Герберштейн отмечал, что если виновный в чем-либо «окажется достойным казни, то его вешают. Другие казни применяются ими к преступникам редко»³⁰. Поэтому он заменил распятие словами «погибли жалкой смертью», а для смерти женщин оставил только повешение.

Таким образом, сравнение рассказа Герберштейна с аналогичными у Геродота и Юстина показывает, что первый несомненно использовал труд античного автора при написании рассказа о холонпей войне в Новгороде, но это был не Геродот, как считало большинство исследователей, а Юстин. Причем данное заимствование

было сделано самим Герберштейном, а не кем-то до него, на что указывает авторская переработка текста «Записок» при переводе с латинского на немецкий язык.

Рассказ Герберштейна о новгородских холопах заимствовал М. Стрыйковский³¹, С. Нойгебауэр³², Н. Витсен³³, Я. Рейтенфельс³⁴ и другие иностранные авторы, писавшие о России. Считается, что и шведский дипломат Петр Петрей де Ерлезунда (1615, 1620 гг.) использовал его же³⁵. Однако сравнение их рассказов выявляет много отличий: по Петрею холопы не сражались с господами, а сбежали до их возвращения и спокойно жили в Холопьем городе. Общим является объяснение названия города. Но рассказ Петрея текстуально близок (с поправкой на двойной перевод) к «Сказанию о вятчанех» (СВ), главному источнику «Повести о стране Вятской»³⁶, которую П. П. Смирнов считал литературно независимой от рассказа Герберштейна³⁷.

Герберштейн	Петрей ³⁸	СВ ³⁹
«Их летописи повествуют еще, что однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня,	«В старину один новгородский князь отправился со всеми своими боярами, дворянами и гражданами на войну с греками. Семь лет провели они за пределами своей родины и не присылали никакой вести о себе женам <...>	«В лето 6682 в Великом Новеграде при державе великого князя Ярослава сына Владимирова прилучился отцу его великому князю Владимирову войствовать на Корсун град. Сын его Ярослав посла ко отцу своему в помощь новгородских князей, и бояр, и служилых людей великое собрание. Шедши ж то новгородское воинство Корсуню граду и пребыва там 7 лет <...>
их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались, и они вышли за муж за рабов <...>	Эти так уж и положили, что мужья их убиты и не воротятся к ним, потому пошли и отдались с дочерьми в связь своим крепостным рабам и челядинцам <...>	Жены же воинства того оставися в Новеграде, ждаша мужевей своих год, и два, и три, и чаялись их побитых, и начали жить с холопи своими, и ини же с наложники, и дщери их такожде эжились, и многие дети прижились <...>

Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви, рабы же вознамерились силой не пустить (в город) своих господ, на супругах которых они женились. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взяли за дубинки и плети <...>	Взяв Корсунь, новгородцы уже возвращались домой <...>	По окончании же семи лет прииде все воинство новгородское со службы тоя <...>
урашенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место,	жены их услышали и проведали об этом: они не смели и не хотели дожидаться их прихода и убежали со всем, что могли захватить второпях, на то место, где стоит этот город, находящийся под судебною властью Москвы... Оттого-то поспешно и выстроен город с крепостью, ...рабы спокойно проживали там с женами и дочерьми, которых увезли из Новгорода, и называли этот город с крепостью, по своему имени, т.е. «крепость рабов», «Холопий Город», потому стали там защищаться, но потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару.»	Жены ж их и дщери услышаху пришедших их и бежаху вси с наложники своими. И первое приидоша на Каму реку великую и поставиша градец мал.»

По Петрею на войну ушли новгородские бояре, дворяне и граждане, по СВ – князья, бояре и служилые люди; по Петрею жены «отдались с дочерьми в связь своим крепостным рабам и челядинцам», по СВ жены «начали жить с холопи своими, и ини же

с наложники, и дщери их такожде жились»; в обоих рассказах жены бежали, когда *услышали* о возвращении мужей. Но у Петрея холопы построили город на р. Мологе, а в СВ – «градец мал» на р. Каме, а затем города Никулицын, Котельнич и Хлынов на р. Вятке. В сочинении Т. А. Каменевича-Рвовского (1699) эти версии объединены: холопы построили города на р. Мологе и «таже и по Каме реке и инде предмного везде»⁴⁰. А Герберштейн, описывая Вятскую землю, замечает, что она «служит своеобразным убежищем для беглых рабов»⁴¹.

Переводы «Истории» Петрея в России до XIX века пока неизвестны, поэтому можно полагать, что СВ от его рассказа независимо. Следовательно, в начале XVII века существовал летописный источник, вероятно, новгородский, который использовали и Петрей⁴², и автор СВ. В свою очередь, как совершенно справедливо замечал П. П. Смирнов, «очень трудно допустить, чтобы Герберштейн просто вставил в новгородскую историю X века эпизод о восстании рабов, заимствуя его из Геродота. ... Автор что-то в новгородских летописях о восстании холопов читал, – он прямо об этом говорит, и у нас нет никаких оснований отказывать ему в доверии»⁴³. Поэтому можно достаточно уверенно предполагать, что Герберштейн использовал ту же летопись, что и Петрей, и автор СВ, но изменил ее текст согласно труду Юстина.

Почему же столь точный, по мнению многих исследователей, в своих сообщениях Герберштейн, «отличающийся вниманием к тексту источника»,⁴⁴ использовал труд античного историка? В. О. Ключевский объяснял это следующим образом: «Исторические воспоминания о северо-восточной Европе, основанные на сказаниях древних, прерывались для западного географа XV или начала XVI в. там, где оставляли его эти руководители и, описывая современную Россию, он ничем лучше не надеялся уяснить своим читателям собственные известия, как сближая их с классическими сказаниями»⁴⁵. А. М. Панченко подчеркивает «пристрастие ренессансных и барочных историков к классическим параллелям»⁴⁶, чему способствовали переводы и многочисленные переиздания античных классиков в странах Западной Европы в XV–XVII веках. Не исключение здесь и труд Юстина. К. К. Зельин отмечает, что книга Юстина «уже в конце IV – начале V вв. н.э. ... стала едва ли не самым распространенным пособием по всеобщей истории. Позднее, в средние века и даже в новое время Юстин не потерял прежней популярности: его произведение переписывали, издавали и переводили»⁴⁷. Поэтому совершенно справедливо звучат следующие слова Р. Пиккио: «Исследователь литературы западного гуманизма может понять соот-

ветствующие тексты, только если он читает их в свете классических текстов Цицерона, Вергилия, Горация, Платона и других античных классиков»⁴⁸. Н. М. Карамзин сравнивал рассказ Герберштейна с повествованием Я. Длугоша о польских рабах⁴⁹. Длугош использовал хроннику Кадлубка, а тот – труд Юстина. Возможно, как раз хроника Кадлубка и побудила Герберштейна использовать «Эпитому» Юстина.

Сам Герберштейн писал: «Я не довольствовался сообщениями одного или двух, а опирался на согласные сведения многих»⁵⁰. Е. Е. Замысловский справедливо замечал, что «мнения многих, конечно, не всегда оказывались верными; но и в этом случае они заслуживают внимания и исторической критике необходимо не только определить степень достоверности тех данных, которые находятся в «Записках о Московии», но и объяснить, по возможности, происхождение некоторых недостоверных известий»⁵¹. Наше исследование позволяет установить, что СВВ в изложении Герберштейна не является исключением из его правила – «опираться на согласные мнения многих». В основе его рассказа о восстании холопов лежит новгородская летопись, основательно переработанная с использованием «Эпитомы» Юстина, устных новгородских рассказов и личных впечатлений автора.

¹ Замысловский Е. Е. Барон Сигизмунд Герберштейн и его сочинение о России в XVI веке // Древняя и Новая Россия. 1875. Т. 3, № 12. С. 329.

² Там же; Лимонов Ю. А. Герберштейн и русские летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. 2. С. 214–215; Аллатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973. С. 248; Хорошкевич А. Л. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 36, 39.

³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 150.

⁴ Смирнов П. П. Сказание о холопней войне в Древней Руси // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. М., 1947. Т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 2. С. 3–50; Вышегородцев В. И. «Холопья война» в летописной традиции // Крестьянство Севера России в XVI в. Межвузовский сб. науч. тр. Вологда, 1984. С. 158–173.

⁵ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 71; Герберштейн С. Указ. соч. С. 330 (примеч. 488).

⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi. Królewce, 1582. S. 138; Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1964. Т. 4. С. 77; Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 288 (примеч. 458); Смирнов П. П. Указ. соч. С. 3–50; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 61–62; Зимин А. А. Указ. соч. С. 69, 71; Вышего-

родцев В. И. Указ. соч. С. 163–164; Герберштейн С. Указ. соч. С. 330 (примеч. 488); Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. (ЖЗЛ). С. 403 (примеч. 79); Коваленко Г. М. Великий Новгород глазами иностранцев // Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2002. С. 6; Уо Д. К. 1) «Анатолиевский сборник» и проблемы Вятского летописания // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Междунар. науч. симп. Киров, 1997. С. 340; 2) Новое о «Повести о стране Вятской» // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова). Материалы Междунар. конф. Киров, 1999. С. 358. В последней своей книге Д. К. Уо уже более осторожно замечает, что «Герберштейн сочинил свой рассказ на основании рассказа одного из античных авторов». (Уо Д. К. История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. С. 201).

⁷ Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки): Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1994. С. 155; Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древних времен до начала XIX столетия. Т. I. От прибытия новгородцев на Вятку до начала XVIII столетия. С. 1174 по 1700 год. Вятка, 1870. С. 25; Зеленин Д. К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. (Этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 / Вступ. ст. Н. И. Толстого; Сост. А. Л. Топоркова; Подготовка текста Т. А. Агапкиной; Коммент. Т. А. Агапкиной, Л. Н. Виноградовой и др. М., 1994. (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). С. 88–89.

⁸ Kadlubek V. Magistri Vincentii Chronicon Polonorum / A. Bielowski // Monumenta Poloniae Historica, Nova Series. Warszawa, 1961. Т. 2. S. 295; Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska... S. 138; Смирнов П. П. Указ. соч. С. 14; Рогов А. И. Указ. соч. С. 61–62; Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665: Дневник / Пер. В. Трисман; Предисл. Р. Максимовой и В. Трисман. СПб., 1996. С. 200; Карамзин Н. М. Указ. соч. М., 1991. Т. II–III. С. 241 (примеч. 132).

⁹ Аристотель. Политика. Афинская полития / Предисл. Е. И. Темнова. М., 1997. С. 178 (V, VI, 1).

¹⁰ Страбон. География: В 17 кн. / Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко; Ред. пер. О. О. Крюгер. Репринт с изд. 1964 г. М., 1994. С. 256–257 (VI, 3, 2–3).

¹¹ Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского; Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; Коммент. Э. Л. Казакевич и М. И. Рижского // Вестн. древней истории (ВДИ). М., 1954. № 2. С. 226–227 (III, 4).

¹² Павсаний. Описание Эллады: В 2 т. / Пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева; Под ред. Е. В. Никитюк. М., 2002. Т. 2, кн. VII–X. С. 262 (X, 10, 6).

¹³ Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч.; Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002. С. 109 (II, 14, 2).

¹⁴ См.: Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб., 1998. С. 172–186; 2) История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 287–303.

¹⁵ Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 175, 177, 178–179, 184; 2) История Спарты... С. 291, 293, 294–295, 301.

¹⁶ Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 180–182, 184; 2) История Спарты... С. 296–298, 301.

¹⁷ Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 179; 2) История Спарты... С. 295–296. Помпей Трог в своем сочинении пояснял: «Дети... были названы парфениями, так как позор их матерей был всем известен». (Юстин. Указ. соч. С. 227 (III, 4, 7)).

¹⁸ Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 180–182; 2) История Спарты... С. 296–298.

¹⁹ Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 183; 2) История Спарты... С. 300 (примеч. 87).

²⁰ Печатьнова Л. Г. История Спарты... С. 294 (примеч. 72).

²¹ Павсаний, например, писал, что «Тарент был колонией лакедемонян, и основателем ее был спарта́нец Фаланф». При этом «Фаланф отправляли (выделено мной. – А. М.) для основания колонии». (Павсаний. Указ. соч. С. 262).

²² Печатьнова Л. Г. 1) Спарта́нские парфении... С. 175; 2) История Спарты... С. 291–292.

²³ Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae» // ВДИ. № 2. М., 1954. С. 183–184.

²⁴ Там же. С. 190.

²⁵ Цит. по: Геродот. История: В 9 кн. / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1993. Репринт с изд. 1972 г. С. 187–188 (IV, 1 и 3–4).

²⁶ Цит. по: Юстин. Указ. соч. С. 214–215 (II, 5, 1–7).

²⁷ Цит. по: Герберштейн С. Записки о Московии... С. 150.

²⁸ Назаренко А. В. От переводчика // Герберштейн С. Указ. соч. С. 46.

²⁹ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / Вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевского. М., 1991. С. 104.

³⁰ Герберштейн С. Указ. соч. С. 118.

³¹ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodska... S. 137–138.

³² Нойгебауэр С. Московия, о ее происхождении, расположении, местностях, нравах, религии и государственном устройстве. Статистическо-географическое описание Российского государства в начале XVII столетия / Пер. Н. Руднева // Журн. министерства народного просвещения. СПб., 1836. № 9. С. 621.

³³ Витсен Н. Указ. соч. С. 200–201.

³⁴ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии / Пер. А. И. Станкевича // Утверждение династии. Россия в царствование Алексея Михайловича / Андрей Родс. Августин Мейсберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М., 1997. С. 258.

³⁵ Лимонов Ю. А. «История о великом князстве Московском» Петра Петрея // Скандинавский сборник. Таллин, 1967. Вып. 12. С. 262; Алтатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 54; Шокарев С. Ю. Последействие // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей / Сост. А. А. Либерман; Послед. и указ. С. Ю. Шокарева. М., 1997. С. 471.

³⁶ Уо Д. К. 1) «Анатолиевский сборник» и проблемы Вятского летописания... С. 341, 343; 2) Новое о «Повести о стране Вятской»... С. 350, 352, 353, 358–364; 3) История одной книги... С. 201–207, 217; Эммаусский А. В. 1) «О вятчанех, как они поселись на Вятке» // Спутник агитатора. Киров, 1983. № 20. С. 24–25; 2) История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров, 1996. С. 6–7;

Мусихин А. Л. «Повесть о стране Вятской» в документах вятских административных учреждений конца XVIII века // Европейский Север в культурно-историческом процессе... С. 383.

³⁷ Смирнов П. П. Указ. соч. С. 18.

³⁸ Цит. по: Петрей П. История о великом княжестве Московском / Пер. А. Н. Шемякина // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 183–184.

³⁹ Государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 2е. Д. 59. Л. 19; Эммаусский А. В. «О вятчанех, как они поселись на Вятке»... С. 23.

⁴⁰ Каменевич-Рвовский Т. А. Историческое древнее описание Кенс-лира Кифича Рвовскаго о начале Словенороссийскаго народа и градов Москвы, Новаграда Великаго и протчих, писанное собственною ево рукою вчерне лета мироздания 7207 году // Гиляров Ф. А. Предания Русской начальной летописи (по 969 год). Приложения. М., 1878. С. 34.

⁴¹ Герберштейн С. Указ. соч. С. 162.

⁴² Ю. А. Лимонов пишет, что Петрей использовал летопись, близкую «к позднейшим спискам Новгородской летописи». (Лимонов Ю. А. «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея... С. 263).

⁴³ Смирнов П. П. Указ. соч. С. 10.

⁴⁴ Замысловский Е. Е. Указ. соч. С. 319; Ключевский В. О. Указ. соч. С. 18; Лимонов Ю. А. Герберштейн и русские летописи... С. 227; Вышегородцев В. И. Указ. соч. С. 164.

⁴⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 18.

⁴⁶ Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 65.

⁴⁷ Зельин К. К. Указ. соч. С. 184.

⁴⁸ Цит. по: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 86–87.

⁴⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II–III. С. 241 (примеч. 132).

⁵⁰ Герберштейн С. Указ. соч. С. 56.

⁵¹ Замысловский Е. Е. Указ. соч. С. 330.